
«ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ УСКОРЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА»: ДИСКУССИИ О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920 Г.*

Л.В. Борисова

Центр изучения новейшей истории России и политологии
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье анализируются различные точки зрения на милитаризованный и принудительный труд. Эти мнения принадлежат руководителям Советской России и были сформулированы в ходе дискуссии, развернувшейся весной 1920 г.

Ключевые слова: милитаризация, принудительный труд, дискуссия, трудовая армия, Ленин, Томский, Бухарин, Рыков.

В советской историографии тема труда, входившего в состав основных идеологических ценностей социалистического общества, всегда занимала приоритетное место. Было написано огромное количество книг и статей, в которых тиражировался миф о беспримерном трудовом героизме рабочего класса, его передовой творческой роли не только в производстве, но и в строительстве советского строя, и безоговорочной поддержке компартии. Особенностью этих работ являлось сосредоточение внимания исключительно на тех моментах, которые позитивно характеризовали практику большевиков в постреволюционной организации трудовых отношений. В то же время «темная сторона Луны», на которой находились различные формы внеэкономического принуждения всех слоев населения, а не только бывших эксплуататоров, и их действительная мотивация к труду, не исследовалась. При этом тотальное введение принудительного труда рассматривалось исключительно как мера, продиктованная военными условиями.

Основываясь на рассекреченных архивных документах, попытаемся разобраться, как относились к милитаризации и принуждению партийные, хозяйственные и профсоюзные руководители в условиях близкого завершения Гражданской войны весной 1920 г., изменились ли представления большевиков о принципах организации труда в мирное время.

---

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН. Проект «Наследие прошлого и социально-культурные практики современной России».

В период военного коммунизма провозглашенный революцией свободный труд в силу многих причин трансформировался в принудительный, осуществлявшийся с помощью палочной дисциплины и военной силы. Право на труд было заменено принципом обязательности труда, сформулированным в знаменитом лозунге «кто не работает, тот не ест». А введение трудовой повинности установило принцип принуждения в качестве главного, а по сути и единственного для трудовых отношений до начала 1920-х гг. При этом в отличие от советской историографии, которая делала акцент исключительно на обусловленности принудительного труда войной, большевистское руководство подчеркивало его созвучие социалистическому строительству. «Субботники, трудовые армии, трудовая повинность – вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда» (1), – говорил Ленин.

Принудительный труд применялся в виде перебросок рабочей силы с одного предприятия на другое, отдельных трудовых мобилизаций рабочих и технических специалистов. Следующей его формой по степени концентрации принуждения являлась милитаризация различных отраслей народного хозяйства, при которой рабочие и служащие принудительно закреплялись за предприятием и переводились на положение военно-мобилизованных. Сначала была милитаризована военная промышленность, в ноябре 1918 г. – железные дороги, а затем и многие другие отрасли народного хозяйства, в том числе и такие сугубо гражданские, как сахарная промышленность. На положение милитаризованных были переведены представители многих профессий, даже гробовщики и кладбищенские работники. «Венцом» этой системы было создание трудовых армий.

К началу 1920 г. стали очевидными скорое завершение Гражданской войны и необходимость перехода всей машины советской власти на мирные рельсы. Уверенность в том, что партия сможет заняться хозяйственными вопросами, подкреплялась также благоприятной международной обстановкой. В это время наметился революционный подъем среди германского пролетариата. Британские тред-юнионы и коммунисты требовали заключения мира с Советской Россией, а Антанта сняла блокаду. В свою очередь, и большевики предпринимали попытки для выхода из международной изоляции и формирования позитивного восприятия своего государства за границей. В частности, с этой целью был разрешен въезд в страну ряду иностранных журналистов и общественных деятелей. Для умиротворения общественного мнения в Западной Европе дипломатическое ведомство считало также необходимым освободить из советских тюрем иностранцев-заложников, арестованных во время Гражданской войны (2).

Своеобразие внутривнутриполитического момента виделось, прежде всего, в том, чтобы, по выражению Ленина, перейти «к военному решению задач хозяйственных», т.е. ставилась задача перенести опыт военного строительства на управление экономикой. При этом Ленин неоднократно повторял, что

весь пролетариат должен проявить на фронте труда такие же неслыханные чудеса, как он проявил на кровавом фронте. А так как в основе того чуда, что Россия победила сильнейшие страны мира, по мнению Ленина, лежали централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование, то эти же принципы предлагалось поставить во главу угла и в мирной жизни (3). Отсюда и настойчивое стремление Ленина побороть несогласие ВЦСПС и ВСНХ с переходом от коллегиальности к принципу единоначалия (как говорили в те годы, единоличия) в управлении и многочисленные дискуссии о путях использования военного аппарата в народном хозяйстве. Он также говорил о необходимости превращения России в огромную армию труда.

Нередко военный опыт решения тех или иных задач предлагалось без всяких оговорок внедрять в мирную экономику. Так, например, раздавались предложения превратить ВСНХ в ЧУСО (4) по производству, а перед Наркомпродом поставить задачи: выжать и распределить.

Привлекательность использования военных методов заключалась, прежде всего, в их простоте, понятности и кажущейся эффективности. При существовавшем весьма невысоком образовательном уровне подавляющей части партийных руководителей использование этой уже привычной системы не могло не встретить одобрения. Вот как, например, объяснял свою позицию один из ее сторонников: «Нам нужны были для армии полушубки, но не было для пошивки их портных – мы объявили по деревням мобилизацию портных и с делом, в общем и целом, справились. Нам теперь нужны для железной дороги плотники и столяры – мы объявляем по всем деревням губерний мобилизацию плотников и столяров, и я уверен, что мы их получим. Пора понять, что без военного подхода к делу нам не обойтись» (5).

Одной из главных задач, остававшихся в центре внимания партийного и хозяйственного руководства, являлась задача организации производства и обеспечение предприятий рабочей силой уже в мирных условиях. На протяжении 1920 г. повсеместная практика принуждения как основа трудового процесса при социализме получила теоретическое оформление в выступлениях и опубликованных работах лидеров большевизма.

Так, один из главных идеологов принудительного труда Л.Д. Троцкий в выступлении на III съезде профсоюзов заявил, что трудовая повинность неизбежно входит в программу социалистической организации труда и без нее немислимо плановое хозяйство. «И ни один серьезный социалист не станет отрицать за рабочим государством права наложить свою руку на того рабочего, который отказывается выполнять трудовой наряд». Говоря о роли профсоюзов, Троцкий отметил, что их задача, в частности, и в том, чтобы распределять, группировать, прикреплять отдельные категории и отдельных рабочих к своим постам, а не в борьбе за лучшие условия труда (6).

Н.И. Бухарин также не считал трудовую повинность мерой, продиктованной войной и экономической разрухой. «...По отношению к самому про-

летариату принуждение есть метод организации, устанавливаемый самим рабочим классом, т.е. метод принудительной ускоренной самоорганизации» (7), – утверждалось в его книге «Экономика переходного периода».

Даже сравнительно широкие круги рабочего класса в переходный период носят печать капиталистического мира, поэтому, по мнению Бухарина, неизбежна принудительная дисциплина, которая тем сильнее ощущается, чем менее революционен данный слой. Принуждение должно исчезнуть в бесклассовом обществе. При этом Бухарин приводил расхожий довод, что принуждение проводится в интересах большинства. Известна положительная оценка Ленина этой книги и его многочисленные высказывания о принудительном труде как практическом осуществлении коммунистического труда.

После выхода книги появились и резко критические оценки бухаринских взглядов. Так, один из старейших членов партии М. Ольминский обвинил Бухарина в отходе от марксизма, в выхватывании у Маркса отдельных фраз о насилии. В принуждении Ольминский видел не метод выработки коммунистического человечества, а акт самозащиты. «Конечно, было бы глупо и губительно для революции отрицать насилие и принуждение в период острой (явной или скрытой) гражданской войны» (8), – признавал он. Во взглядах Бухарина, по мнению Ольминского, отразилось не только его личное видение, но и ошибочные настроения части партии к середине 1920 г.: увлечение властью; «что захотим, то и моментально сделаем». Ольминский назвал Бухарина ревизионистом слева, не считающимся с революционными возможностями.

Интересна оценка книги, данная известным экономистом А.В. Чаяновым. Он назвал ее крупным событием в научной литературе, которое нельзя оставить без внимания. По сути же его мнение совпало с мнением Ольминского: распад народного хозяйства вызван необдуманными, ненужными и необязательными мероприятиями большевиков (9).

С протестом против оскорбительного тона, в котором велась полемика Бухариным, выступила сестра Ленина А.И. Елизарова. «Грош цена была бы коммунистам, загнанным в коммунизм угрозой расправы» (10), – заявила она.

И все же критики Бухарина не смогли поколебать его убежденности, что всякий, «кто осмеливается называть каторгой трудовую повинность при пролетарской диктатуре, тот просто-напросто – либерал, самый обыкновенный, самый ординарный» (11). Этой позиции он придерживался и при обсуждении конкретных вопросов.

Если книга Бухарина являлась теоретическим оформлением попытки вписать в рамки марксизма принуждение и насилие, то споры о практике их использования, начавшись в 1919 г., с переходом к мирной жизни приобретали все большую остроту по мере приближения к очередному IX съезду партии.

По существовавшей практике съезд должен был подвести черту под спорными вопросами и превратить позицию Ленина и его сторонников в руководство к действию для всех организаций и членов партии. В наиболее откровенных и острых формах полемика велась на заседаниях коммунистических фракций непартийных органов. Чрезвычайно важное значение, придававшееся ЦК РКП(б) проведению партийных установок через комфракции профсоюзных и хозяйственных органов, было связано с особым положением этих органов. Они являлись проводниками единой партийной линии, так как принятые комфракциями решения были обязательны для выполнения всеми коммунистами, работавшими в этих органах, независимо от их личного мнения. А члены комфракций, оказавшиеся в меньшинстве при голосовании тех или иных вопросов, тем не менее, были обязаны в своих выступлениях перед непартийными массами отстаивать решения комфракций.

Возможность острых высказываний оппонентов обуславливалась также обстановкой строгой секретности, в которой проходили заседания. Даже упоминания о них карались партийными взысканиями. Не случайно при созыве различных конференций и съездов все вопросы до вынесения на открытые заседания сначала обсуждались на заседаниях комфракций и именно здесь разворачивались реальные события, которые не всегда соответствовали первоначальному сценарию, разрабатывавшемуся в ЦК партии (12).

Одна из первых предсъездовских дискуссий вокруг вопросов мобилизации и принудительного труда в целом состоялась на заседании комфракции ВЦСПС 12 января 1920 г. В ней участвовали Ленин, Троцкий, Бухарин, Рыков и др. Центром обсуждения явился доклад Троцкого «Хозяйственное положение республики и основные задачи восстановления промышленности».

Дискуссия выявила наличие среди высшего руководства различных подходов к решению экономических задач и нежелание оппонентов идти на компромисс. Как и ожидалось, с критикой высказываний Троцкого выступили его постоянные оппоненты Рыков, Ларин и Томский. Они были против передачи управления промышленностью в военные органы и создания трудовых армий. Так, систему мер, предложенную Троцким, Рыков назвал аракеевщиной, «но еще худшего свойства».

Он высказался против превращения боевых армий в трудовые, заявив, что этот путь приведет к восстаниям и бунтам. По его мнению, освобожденные от боевых действий военные части нужно было демобилизовать, а сокращение военных расходов использовать для улучшения положения рабочих: «За каждого демобилизованного солдата мы сможем накормить, одеть и обуть 3–4 рабочих», – заявил Рыков (13).

Таким образом, в своем выступлении на комфракции Рыков вновь подтвердил позицию, сформулированную им от имени руководства ВСНХ на VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.). При этом, как и большинство партийно-хозяйственных руководителей, он отождествлял провоз-

глашенную советской Конституцией обязательность труда с трудовой повинностью и считал, что при ее проведении нужно делать упор не на принуждении, а на разъяснении населению необходимости этой меры. Однако, разделяя эту общую платформу, Рыков в отличие от Ленина, Троцкого и Бухарина видел в использовании принудительного труда «беду» советской власти, вынужденную меру, без которой пока нельзя обойтись. В то же время он говорил, что принуждение «по своему духу, по своей организации стоит в резком противоречии с коммунистическими принципами» (14).

Близкую позицию занимал и председатель ВЦСПС Томский. Выступая на комфракции, он сказал, что необходимо любой ценой создать реальный фонд заработной платы. «Так как мы гениально грабили всю Россию для Красной армии, приступим к такому же широкому грабежу всей России во имя улучшения интересов рабочего класса как базы развития и улучшения производительной силы» (15), – заявил Томский.

В свою очередь, Ленин подверг острой критике высказывания членов Президиума ВСНХ, в том числе и по вопросу введения единоначалия, против которого выступало и руководство профсоюзов. «Чем ребячеством заниматься, подумайте, что делать. Народ голодает, железные дороги не возят, а у нас имеется армия, в которой каждый солдат говорит: «Я теперь знаю, что такое дисциплина». Ленин предложил использовать армию для уборки хлеба. Одним из его аргументов в пользу предложения Троцкого было и то, что железные дороги не в состоянии вывезти демобилизованных солдат (16).

В итоге обсуждения комфракция ВЦСПС не поддержала доклад Троцкого, несмотря на его одобрение Лениным, Бухариным, Ногиным и другими участниками.

Критическое отношение к официальному экономическому курсу было высказано и на III съезде совнархозов (25–29 января 1920 г.). В докладе Рыкова, прозвучавшем в день открытия съезда перед широкой аудиторией не только делегатов, но и представителей Моссовета, профсоюзов, крупнейших промышленных предприятий, вновь говорилось о сохранении принципа коллегиальности.

Несмотря на выступление Ленина, в котором он охарактеризовал принцип коллегиальности как не соответствующий наступившему этапу практической работы, сторонники единоначалия и в этот раз оказались в меньшинстве. В итоге в резолюции съезда «Об управлении хозяйственной жизнью» было записано, что «только на основе коллегиальности может быть обеспечено участие профсоюзов и рабочих масс в управлении экономической жизнью страны», а единоличное правление может вводиться с согласия профсоюзов в каждом отдельном случае (17).

Приверженность руководства ВСНХ революционной позиции проявилась и в отношении другого организационного принципа управления – централизма. Его концентрированным воплощением были пресловутые главки.

Несмотря на их очевидную неэффективность и оппозицию местных органов системе главкизма, Президиуму ВСНХ удалось, пойдя на некоторый компромисс, отстоять свою позицию и в этом вопросе. В итоге съезд признал, что в условиях хозяйственной разрухи усиленная централизация управления народным хозяйством становится еще более необходимой, но в то же время указал, что она должна сочетаться с работой местных хозяйственных органов. В резолюции было также записано, что основная задача всех органов – борьба с бюрократизмом и волокитой, т.е. с пороками существовавшей системы централизованного управления.

Еще одна важная проблема, по которой была продолжена дискуссия на III съезде совнархозов, – это трудовая повинность и трудовые армии. Как известно, в советской историографии бытовала практика отделять позицию «врага народа», «антиленинца» и «антипартийца» Троцкого по вопросам принудительного труда как ошибочную от позиции Ленина и партийного курса в целом. Выше уже говорилось о совпадении взглядов Троцкого с позицией Ленина и ЦК. Эта же точка зрения была представлена и в докладе Троцкого на съезде совнархозов. В основу его доклада были положены «Тезисы ЦК РКП(б) о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд», автором которых он сам и являлся.

Таким образом, расхождения по вопросам экономического строительства среди большевистских лидеров были довольно острыми и по мере приближения IX съезда партии в полемику по поводу тезисов ЦК включались все новые лица. Наиболее основательно они были проанализированы в работах старейшего члена партии и члена Реввоенсовета Кавказского фронта С.И. Гусева. Накануне съезда в качестве материала для обсуждения им были опубликованы две брошюры.

Первая брошюра «Очередные вопросы хозяйственного строительства» имела особый гриф «только для членов партии». Она была подготовлена в рекордно короткий срок: написание и издательский процесс заняли всего три дня. По мнению Гусева, внимание съезда должно было сосредоточиться на четырех основных хозяйственных вопросах: единый хозяйственный план, трудовые мобилизации, милитаризация хозяйства, трудовые армии. Анализируя тезисы ЦК, он отмечал отсутствие в них главного вывода: о катастрофическом положении хозяйства. В связи с этим Гусев считал необходимым сосредоточить усилия партии на самом главном, беспощадно отбросив все остальное. «Чем сложнее положение, тем более простым, грубым, прямолинейным и беспощадным должен быть единый хозяйственный план» (18), – отмечалось в брошюре. Главной задачей, которая должна быть определена планом в первый период, по мнению Гусева, являлось восстановление транспорта, подвоз и образование запасов хлеба, топлива и сырья. При этом были жизненно необходимы переход от заготовки дров непосредственно к

электрификации и переброска части промышленности к источникам сырья и энергии.

Он считал, что необученную рабочую силу нужно использовать для восстановления транспорта и строительства мощных электростанций у источников топлива, что позволит в дальнейшем отказаться от ее применения и уберечь леса от тотальной вырубki.

Поддерживая решение ВЦИК о милитаризации железнодорожного транспорта, Гусев предложил также использовать дореволюционный опыт введения чрезвычайных мер на транспорте, в том числе и систему наказаний: аресты на срок до трех месяцев, увольнение без суда и следствия, учреждение железнодорожных военных трибуналов.

Что касается практики проведения трудови́нностей, то Гусев считал приоритетной задачей обработку наделов красноармейцев и трудармейцев силами мобилизованных на трудови́нность крестьян. Ради этого, по его мнению, можно было даже временно пожертвовать совхозами.

Брошюра Гусева вызвала одобрение Ленина как по своей форме, так и постановкой вопроса о центральном месте единого хозяйственного плана в восстановлении народного хозяйства. В докладе Ленина на IX съезде партии она была названа «лучшей вещью», а в текст проекта резолюции съезда было внесено предложение Гусева о том, что хозяйственный план должен представлять собой не сумму производственных программ, сформированных на основе данных различных органов, а, наоборот, он должен определять параметры производственных программ (19).

В качестве материала к съезду Гусев издал еще одну брошюру – «Трудовые мобилизации и трудовые армии в Саратовской губернии». Она была написана на основании опыта трудовых повинностей по заготовкам дров и снегоочистке, которые были проведены армией и мобилизованным военным аппаратом местным населением.

Отмечая успешную работу трудармейцев, Гусев видел главную причину хороших результатов в устранении междуведомственности и четкой организации работ на основе полной милитаризации и единоначалия. Большое влияние на состояние дисциплины трудармейцев, как указывалось в книге, оказали два фактора: присутствие на каждом участке работы политработников и выездные сессии ревтрибунала. Сессии на месте разбирали дела и тут же публично выносили приговоры.

Мобилизация населения на снегоочистку была проведена военным аппаратом с опорой на части ВОХРа. В уездах мобилизацией руководили тройки, а в волостях двойки. При этом в нарушение Кодекса законов о труде к трудови́нности привлекались мужчины старше 50 лет. Кроме этого, на тяжелые работы по снегоочистке были мобилизованы даже женщины, что вызвало сильное недовольство крестьян. Работу местных органов по организации трудови́нности Гусев охарактеризовал как «разгильдяйство», «рас-

хлябанность», «полное неумение, хотя бы частично, милитаризоваться, воспринять, хотя бы частично, военные методы и военный темп работы» (20).

По мнению Гусева, использование армии для выполнения трудовых заданий можно было начать и раньше. С таким предложением он обращался к руководителям ВСНХ, Наркомпрода и НКПС еще в феврале 1919 г. в статье «Отношения между ведомствами», опубликованной в «Правде» (21). В ней говорилось о возможности использования отдельных частей и армейских аппаратов для восстановления дорог, мостов, заготовки, сбора и погрузки хлеба, восстановления фабрик и заводов. При этом армейские аппараты должны были работать под руководством и контролем местных органов соответствующих наркоматов.

Однако использованию армии в то время помешало увлечение междуведомственными совещаниями и упорство отдельных учреждений, уверявших, что у них все благополучно.

Исходя из практического опыта трудовых армий в Саратовской губернии, Гусев сделал общий вывод о том, что военные методы организации работ вполне оправдали себя. Он предложил создать вместо беспорядочных комитетов по трудовой повинности органы с диктаторскими полномочиями – трудовые ревкомы. Они выполняли бы хозяйственный план «железной рукой» и с «величайшей беспощадностью». Трудревкомы, по мнению Гусева, должны были не только проводить мобилизации, но и иметь право предварительной проверки обоснованности требований рабочей силы, рациональности плана работ, обеспеченности мобилизованных продовольствием, инструментами и прозодеждой.

Констатируя неспособность Главкомтруда справиться с возложенными на него обязанностями, Гусев резко ставил вопрос о необходимости выбора между Главкомтрудом и междуведомственностью, с одной стороны, и централизмом и трудревкомами, с другой. Он считал, что у центра должно быть право перебрасывать рабочую силу из любого хозяйственного района в другой район. Так же как, например, Троцкий и Бухарин, он считал целесообразным использование принудительного труда в форме трудовых армий и в мирное время. «У нас имеются два типа трудармий: 1) трудармии из бывшей Красной армии; 2) местные трудовые армии, организуемые из местного населения с использованием на работы местных воинских частей (Саратовская губ.). Они не имеют строго оформленной организации, но все же милитаризованы настолько (единоличное начало, принудительность, централизация снабжения), чтобы быть признанными армиями... Наконец, намечается еще один тип трудармий для наиболее важных производственных районов (угольные и нефтяные), которые по самому характеру производства (непрерывность) должны стать постоянными армиями» (22), – писал Гусев.

Противоположной точки зрения придерживался видный экономист и государственный деятель Е.А. Преображенский. В статье, публикация кото-

рой совпала с началом работы съезда, он высказался против содержания постоянных трудовых армий. Он не видел «ни малейшего смысла строить постоянную армию труда в тех случаях и в той мере, в какой соответствующая работа может быть выполнена путем разверстки труда между крестьянством» (23). При этом он соглашался с временным использованием армии в качестве трудовой силы до тех пор, пока по военным соображениям она не могла быть распущена. Однако по минованию военной необходимости он считал целесообразным провести демобилизацию и использовать труд крестьян путем трудовой разверстки. По мнению Преображенского, в представленных на обсуждение тезисах ЦК нужно было разграничить два вида неквалифицированной («грубой») рабочей силы: постоянной в форме трудовых армий и сезонной. При этом он считал важным подчеркнуть, что в ближайшие годы более важное экономическое значение будет иметь трудовая повинность в форме трудовой разверстки, а не в форме постоянных трудовых армий.

Во многих статьях, публиковавшихся в ходе предсъездовской дискуссии на страницах «Правды», противниками использования трудовых армий в мирное время приводился и тот факт, что содержание военного аппарата «съедает» эффективность труда бойцов (24). Однако никто из оппонентов не говорил о принципиальной неприемлемости в мирных условиях принудительного труда. Спор шел лишь о допустимых формах его использования.

Кульминационной точкой в дискуссии между сторонниками и противниками единоначалия, хозревкомов и трудовых армий стал IX съезд партии, состоявшийся в конце марта – начале апреля 1920 г. Обращаясь от имени ЦК к делегатам, Ленин сказал: «Мы заняли определенную позицию. Ваша обязанность окончательно утвердить, исправить или изменить наше решение» (25). Эта позиция была сформулирована в докладе Троцкого «О хозяйственном строительстве».

Отвечая на критику трудовых армий в связи с низкой производительностью труда и дезертирством трудармейцев, Троцкий назвал эти утверждения не только ложью, но и заявил, что они направлены против социалистической организации труда в переходный период. По существу он ставил знак равенства между принуждением и социалистической организацией труда. Как отмечалось в докладе, в условиях планового хозяйства рабочая сила должна быть перебрасываема, назначаемая, командирована точно так, как солдаты. А к тем, кто не выполняет плановые наряды, должны приниматься карательные меры.

По мнению Троцкого, милитаризация рабочего класса немыслима без милитаризации профсоюзов. Именно они должны были установить такой режим, «при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит – он будет дезертиром, которого карают» (26).

На съезде вновь разгорелась полемика вокруг позиции ЦК, сформулированной в докладе Троцкого. Так, Н. Осинский, выступавший с содокладом, высказался против чрезмерной милитаризации труда и слепого подчинения военным образцам. «Неправильно делать Совтрудармы областными хозяйственными органами. Это значило бы подчинить гражданский аппарат военному и вносить ломку в сложившийся аппарат. Неправильно также создавать особые хозяйственные областные органы, не создавая областных органов власти» (27), – заявил он. Осинский говорил также о том, что уничтожение коллегиального управления приведет и к ликвидации принципа демократического централизма. Он предложил ввести в хозяйственных органах сокращенные коллегии, исключая мелкие и милитаризованные предприятия.

В отличие от Томского, который считал, что коллегия – единственный способ вовлечения широких масс в управление, Осинский привел в защиту коллегиальности другой аргумент. Он видел в ней высшую ступень школы управления, которая дает возможность подготовить рабочих к наиболее ответственной работе и полному овладению государственным аппаратом, а значит, защищает от бюрократизма. При этом Осинский заявил, что его позиция по вопросу коллегиальности не совпадает с позицией руководства ВСНХ, так как, защищая коллегиальность, они стараются прикрыть и сохранить бюрократические приемы своего ведомства. По мнению Осинского, и милитаризация, и единоначалие в управлении могли вводиться только по заключению хозяйственных и профсоюзных центров.

Второй содокладчик Троцкого – Рыков говорил о необходимости частичного сокращения и демобилизации армии. «Я за использование любого человека, но я не вижу в армии системы организации труда. Я полагаю, что армия есть временное явление» (28), – заявил он. Он считал, что использование армейского опыта в организации промышленности не может гарантировать ее успеха.

Выступая в прениях по докладу Троцкого, Бухарин, в частности, ответил тем критикам, которые окрестили милитаризацию крепостным правом. «Товарищи, возражающие против этого, не видят, что милитаризация есть не что иное, как самоорганизация рабочего класса и организация рабочим классом других, близко к нему стоящих классов» (29), – заявил он. Именно в этом он видел главную причину необходимости милитаризации, называя ее позвоночным хребтом.

И все же благодаря массовой агитации и интенсивной работе по привлечению союзников на местах Ленину и ЦК партии удалось добиться поддержки у большинства делегатов. В итоге в резолюции съезда «Об очередных задачах хозяйственного строительства» был закреплен принцип единоначалия во всех звеньях производственно-административного аппарата (30).

К съезду были приурочены и мероприятия по инструктированию местных работников. В последний день его работы открылось двухдневное со-

вещание Главного комитета по трудовой повинности (Главкомтруда) с делегатами (31). Примечательно, что представители оппозиционной линии в совещании не участвовали. На нем выступил представитель Наркомтруда А. Аникст с докладом о деятельности Главкомтруда, а председательствовавший Дзержинский сформулировал его задачи. Выступавшие делегаты говорили о необходимости усиления Главкомтруда за счет партийных инструкторов на местах и активизации агитации среди населения, о предпочтении разверстки по волостям и урочной системы при проведении трудповинностей. Представители с мест говорили также, что центр засыпает комтруды заданиями, а отсутствие точных инструкций приводит к хаосу. Были высказывания и о том, что существующие комтруды из-за межведомственной организации не могут иметь авторитета и должен быть создан орган, наделенный властью, а не прибегающий к авторитету партии. Участвовавший в совещании С.И. Гусев помимо уже упоминавшегося тезиса о создании ревкомов по труду предложил возложить функции комиссий по труду на партийные и профсоюзные ячейки. Обсуждался также вопрос о взаимоотношениях местных и фронтовых органов при проведении трудовых повинностей. В итоге мнения участников совещания нашли отражение в резолюции IX съезд партии.

В целом дискуссия весны 1920 г. показала наличие двух течений в высшем руководстве страной. В условиях перехода к мирной жизни большинство в руководстве профсоюзов и ВСНХ пытались опереться на экономические методы хозяйствования – улучшение продовольственного положения рабочих, отстранение от народного хозяйства военных организаций. Руководство партии в лице Ленина, Троцкого, Бухарина делало ставку на чрезвычайные методы, по преимуществу военные, которые, по их мнению, и в мирных условиях позволили бы в короткий срок справиться с дезорганизацией экономики.

В условиях страшной материальной бедности, отсутствия механизмов, машин и ужасающего уровня быта самое простое решение проблем виделось в использовании армии как модели организации экономики и важного трудового ресурса. За те годы, что страна находилась в условиях войны, дух милитаризма прочно вошел в сознание как населения, так и руководителей страны, заставляя мыслить категориями военного времени.

Показательно, что даже первое время после объявленного перехода к новой экономической политике не предполагалось отказываться от принудительного труда, в том числе и от такой его формы, как трудовые армии. Как и в предшествующие годы, принудительный труд не был рентабелен и, несмотря на все пропагандистские усилия, вызывал неприятие населения. К тому же его существование тормозило все попытки стимулирования труда, предпринимавшиеся для создания рынка труда и повышения его производительности. Последнюю точку в применении принудительного труда поставил новый Кодекс законов о труде, принятый осенью 1922 г. Он отменил трудовые повин-

ности, сохранив их только для исключительных случаев, таких как борьба со стихийными бедствиями и недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 10. – С. 315.
- (2) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 112. – Д. 14. – Л. 116. В результате обсуждения этого важного вопроса политбюро всего лишь предложило зам. наркома по иностранным делам Л.М. Карахану «столкнуться с тов. Дзержинским» и учредить межведомственную комиссию для принятия имущественных претензий от иностранцев.
- (3) Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 40. – С. 105.
- (4) ЧУСО – Чрезвычайное управление Совета обороны.
- (5) Ходоровский И. Можно ли обойтись без милитарных приемов? // Правда. – 1920. – 27 февраля.
- (6) Троцкий Л.Д. Соч. – М.–Л., 1925. – Т. 12. – С. 136, 137.
- (7) Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989. – С. 168.
- (8) Красная новь. – 1921. – № 1. – С. 250.
- (9) Там же. – С. 272.
- (10) Народное хозяйство. – 1921. – № 8–9. – С. 228.
- (11) Красная новь. – 1921. – № 1. – С. 269.
- (12) О том, насколько официальная картина событий могла не соответствовать реальным фактам, свидетельствует, в частности, работа Пятой Всероссийской конференции профсоюзов, которая была созвана в разгар дискуссии о профсоюзах. Во второй день работы конференции, 4 ноября 1920 г., с докладом от Президиума ВСНХ выступил А.И. Рыков. Как свидетельствует стенограмма конференции, прения по докладу не открывались, а на заседании 5 ноября по предложению президиума конференции была принята резолюция: «принять к сведению». В действительности же вслед за докладом состоялось его бурное обсуждение на заседании комфракции конференции. На нем прозвучала критика как самой деятельности ВСНХ и его органов, так и стиля его взаимоотношений с профсоюзами. ВСНХ обвинили в отрыве от профсоюзов и бюрократизме. Говорили также о необходимости передачи профсоюзам функций Главкомтруда и Наркомата труда по вопросам организации труда и переброски рабочей силы. Для усиления связи профсоюзов с хозяйственными органами предлагалось организовать при профсоюзах специальные органы – экономические отделы. По результатам прений комфракция приняла секретную резолюцию, в которой была отражена прозвучавшая критика. В знак протеста против такой оценки своей работы Президиум ВСНХ принял решение о коллективной отставке и направил заявление в ЦК РКП(б). См. публикацию этих документов: Борисова Л.В. «Президиум ВСНХ считает необходимым заявить...» // Отечественные архивы. – 1993. – № 4. – С. 88-91.
- (13) РГАСПИ. – Ф. 95. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 2.
- (14) Труды VII Всероссийского съезда советов. – М., 1919. – С. 191.
- (15) РГАСПИ. – Ф. 95. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 5.
- (16) Там же. – Л. 13.
- (17) Резолюции III Всероссийского съезда совнархозов. – М., 1920. – С. 13. Открытие съезда, состоявшееся в Большом театре, по неизвестным причинам задержалось на

- полтора часа. Не исключена вероятность того, что ЦК партии до последнего момента предпринимались попытки уладить разногласия.
- (18) *Гусев С.И.* Очередные вопросы хозяйственного строительства (О тезисах ЦК РКП). Материалы к 9-му съезду РКП. – Саратов, 1920. – С. 8.
- (19) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 40. – С. 256-257; *Гусев С.И.* Очередные вопросы... – С. 29-30.
- (20) *Гусев С.И.* Трудовые мобилизации и трудовые армии в Саратовской губернии: Мат-лы к 9-му съезду РКП(б). – Саратов, 1920. – С. 4.
- (21) Правда. 1919. – 8 февраля.
- (22) *Гусев С.И.* Очередные вопросы... – С. 14. Примечательно, что расхождение во взглядах не помешало Рыкову ходатайствовать в августе 1920 г. перед ЦК партии о командировании Гусева на работу в Президиум ВСНХ, и эта просьба была удовлетворена (РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 112. – Д. 59. – Л. 4).
- (23) *Преображенский Е.А.* О мобилизации грубой рабочей силы // Правда. –1920. – 30 марта.
- (24) См. *Ауссем Б.* Двадцать три процента // Правда. –1920. – 26 февраля; *Ларин Ю.* Практика трудовой повинности // Там же. – 29 февраля; *Струмилин С.* Кризис недопроизводства // *Экономическая жизнь*. – 1920. – № 225; и др.
- (25) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 40. – С. 250.
- (26) Протоколы IX съезда РКП(б). Март-апрель 1920 г. – М., 1960. – С. 94.
- (27) Там же. – С. 125.
- (28) Там же. – С. 132.
- (29) Там же. – С. 138.
- (30) Несмотря на решение съезда, Президиум ВСНХ продолжал придерживаться в отношении своих органов принципа коллегиальности. Так, например, в апреле 1920 г. им был утвержден состав коллегии Главводхоза, в мае совместно с ВЦСПС было отклонено предложение о введении единоначалия в Комитете государственных сооружений. Переход к единоначалию начался лишь в сентябре 1920 г. (РГАЭ. – Ф. 3429. – Оп. 1. – Д. 1332. – Л. 2; Д. 1335. – Л. 129; Д. 1375. – Л. 5; Д. 1377. – Л. 6).
- (31) Публикацию протокола совещания см.: *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. – М., 2001. – С. 166-171.

DISCUSSION ABOUT PRINCIPLES OF LOBOUR ORGANIZING IN SOVIET RUSSIA IN 1920

Center of Studies of Russian History and Politology
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulianov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

In the article the various points of view on the work organization, stated by heads of the Soviet Russia are analyzed during discussion about militarization and forced labor by spring of 1920.

Key words: militarization, forced labour, discussion, labour army, Lenin, Tomskiy, Bukharin, Rikov.